

Первая мировая война в творчестве писателей-фронтовиков.

Мы медленно восстанавливаем свою историческую память. Первая мировая война все еще остается в России без героев, без их имен, памятников павшим воинам. Памятная дата – 100-летие начала Первой мировой войны отмечается в России 1 августа 2014 года.

Из Первой мировой войны Россия была выведена революцией 1917 года. Отечественная для России война была превращена в Гражданскую, с резней, с великим голодом и великим мором. Со всех сторон Первую мировую войну ожидало забвение. Как оказалось, на многие годы. Тем ценнее для нас художественная литература как важнейший исторический источник о войне. Есть эпопеи М. Шолохова, А. Солженицына, мемуарная литература русской офицерской эмиграции. Но особую ценность имеют произведения, вышедшие из-под пера писателей-фронтовиков, хроникеров, по свежим следам фиксирующих живые картины Первой мировой.

Начало Первой мировой войны нарушило все творческие планы **Валерия Брюсова**. В августе 1914 года он добровольно отправился на фронт в качестве корреспондента столичной газеты «Русские ведомости». И. М. Брюсова вспоминает: «Очень быстро вошел в свою роль и по силе своего умения справлялся с возложенной на него задачей. 11 сентября 1914 года пишет мне: «Начинаю входить во вкус работы «корреспондента» и понимать это ремесло, а до сих пор только учился».

В самом начале военного марафона, 20 июня 1914 года, находясь в Москве, Брюсов написал стихотворение «Последняя война», предсказывая близкое ее окончание по причине падения «в провал кровавый» ветхих «строений» Европы, ожидая мира во всем мире и свободы.

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы;
Началом мира и свободы
Да будет странный год борьбы.

В стихотворении «Пора» поэт еще определеннее говорит о своевременности войны 1914 года. Наступило время «ударить буре, расчистить хмурый небосвод», чтобы из «огненной купели» родился обновленный мир.

И все, о чем с беспечным жаром
Пугливо спорили века,
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Через десять дней после первого стихотворения появляется второе - под заглавием, весьма актуальным для того времени - «Старый вопрос». Война возродила старый «славянский вопрос». В то же время Брюсов предупреждает против военно-шовинистического угара, «заносчивых и хвалебных слов». Россия должна ясно представлять, что она защищает в этой мировой войне и каково ее положение в семье славянских народов. Россия - «народ часовой», давший миру титанов - А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского. «Как ярко и как свежо выразилось в лучших его военных стихах оскорбленное патриотическое чувство русского человека», - замечает критик Г. Ленобль, рассматривая поэзию Брюсова в годы Первой мировой войны.

Империалистическая война поглощает весь мир. И Брюсов, по мере распространения смертоубийственной бойни, с позиций гуманиста протестует против всякой войны «ввергающей в трагическое состояние народы». Следует большой цикл антивоенных стихотворений: «В Варшаве», «Аэропланы над Варшавой», «Поле битвы», «Пиршество войны», «В окопе», «Казачье становье». В них изображены разруха, пожары, уничтожение культурных памятников. Брюсов обращается к отечественной истории и заново прочитывает в ней страницы, запечатлевшие героизм русского народа. Исторический подвиг русской нации осознается поэтом в его единстве с настоящим.

И пусть над Бугом каски русские,
Он от того чужим не стал;
И будем мы все те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.
Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну.

Война стала пробой русских сил капитализма на мировой арене. Брюсов писал:

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.
Молчи и никни ум надменный!
Се - высшей истины пора!

Следует отметить рост патриотических настроений в лирике В. Брюсова 1914-1916 гг. Поэту казалось, что именно в годы войны мог решиться вопрос, будет ли Россия великим европейским государством или останется полуазиатской страной. Однако в мае 1915 года поэт окончательно возвратился, глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения. Оценивая позже ряд своих выступлений этого периода, Брюсов писал: «Мы уже не говорим о том, что были у России, у русского общества, светлые надежды, может быть, обманчиво поданные царским правительством оказать благодетельное влияние на судьбу других стран и протянуть руку помощи другим угнетенным народам». В настроениях Брюсова происходит переворот. В письме жене он писал: «Когда война закончится, мы уедем надолго... из Москвы, во Францию или еще куда. Я это решил твердо и определенно. Этого хочу».

Николай Гумилев с воодушевлением принял известие о войне. Он добился, чтобы его, освобожденного ранее из-за зрения, приняли на службу. «В немолчном зове боевой трубы я вдруг услышал песнь моей судьбы».

Друг Гумилева Георгий Иванов вспоминал: «Ни одному мне показалось странной идея безо всякой необходимости надевать солдатскую шинель и отправляться в окопы. Гумилев думал иначе». Военным он никогда не был. 5 августа он был уже в военной форме, а 24 августа 1914 года – зачислен в лейб-гвардии уланский полк ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны.

Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

В течение года поэт за участие в боевых операциях награжден двумя Георгиевскими крестами и за отличие в делах против германцев произведен в унтер-офицеры.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Военные стихи Н. Гумилева собраны им в вышедшей в 1916 году книге «Колчан», куда были включены стихи 1912-1916 гг. В этой книге поэт пошел по пути внутреннего углубления. Если в предыдущих сборниках, несмотря на явные и серьезные удачи, в отдельных стихах просматривалась некая условность, схематичность, которую можно определить как давление формы на чувства поэта, то в «Колчане» этого нет. Если раньше разум заставлял петь душу, то теперь душа

заставляет разум выполнять ее волю. Б. М. Эйхенбаум в журнале «Русская мысль» в 1916 г. точно подметил главную особенность сборника: Гумилеву «...открыты дали, поэтический колчан Гумилева обновился, стрелы в нем другие. Стрелы эти ранят в «собственную душу». Свое начало в войне поэт-воин передал в стихах «Война» и «Наступление», написанных на фронте в октябре-ноябре 1914 года.

Николай Гумилев был поэтом, а не политиком. Он не знал, какой характер носила война, в чьих интересах велась, но он твердо знал: если в дом пришли грабители – его надо защищать. Окопная муза поэта не захлебывалась ура-патриотическими стишками. Гумилев писал о боях:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет.

Солдат у него тот же труженик, но только: «На полях, омоченных в крови». Смерть, которая ходит по пятам за поэтом, не вызывает у него озлобление. Он дорожит делом спасения Отечества и мира несравненно больше, чем своей собственной жизнью. Военные стихи Гумилева обладают одной интересной особенностью: они не носят следов шовинистического угара.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет – милый,
Вот прими мой братский поцелуй.

Эти строки, написанные между боями, выстраданы в лихих кавалерийских схватках и тяжелых окопных боях. Поэтому поэт имел полное право провозгласить:

Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

Гумилев использует религиозную символику, но говорить о том, что она преобладает в его мировосприятии, было бы неверно. На переднем плане у него не боги, а люди, а Господь присутствует, как олимпийцы у Гомера. Начиная с «Колчана», у Гумилева возникает новая тема, к которой отныне он будет возвращаться постоянно.

«Записки кавалериста» представляют собой очерковую прозу. Однако не только специфика военных операций и ход военных действий интересует писателя. Он внимателен к психологии человека, он фиксирует ощущения современника, человека цивилизованного, попавшего в романтически воспринимаемый, экзотичнейший, первобыт-

ный мир войны, ставший его бытом. Чувства часто названы не прямо, оттенки и переходы их не зафиксированы, а спрятаны за детали внешнего мира, проявляются в поступках.

Николай Гумилев ведет подробнейший дневник военных действий. Весь 1915 год корреспонденции писателя с фронта под названием «Записки кавалериста» печатались в петербургской газете «Биржевые ведомости» в рубрике «Летопись войны». С внутренним убеждением выходил Гумилев на поле брани, сражаясь за веру, царя и Отечество, как делали его отцы и деды: «Наступать – всегда радость, но наступать на неприятельской земле – это радость, удесятенная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы».

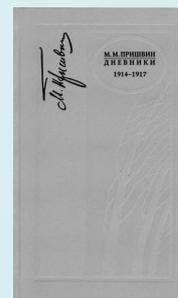
И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

В творческой судьбе **Михаила Пришвина** война сыграла особенную роль. На фронте, куда он попадает в качестве корреспондента, к нему приходит постижение природы, как части космоса, то есть мира упорядоченного, осмысленного человеком, внутри же хаоса, который приносит война, места природе не находится. На войне он обнаруживает связь природы с творческой природой человека и поднимает вопрос о соизмеримости природного и человеческого ритма, о природе сопереживающей, сочувствующей или «равнодушной». Кроме того, война обострила восприятие отдельных картин природы. Они сложились в мощную общую картину весны. Природа осознается Пришвиным как та сфера, в которой он с определенностью чувствует себя художником. Военная тема интересно и разнообразно звучит в дневниках, М. Пришвина, которые представляют собой уникальный документ, хронологически охватывающий пятьдесят лет (1905-1954) – годы катастрофической ломки всех форм жизни. Текст дневников воссоздает подлинное лицо целой эпохи, связанное с процессом переустройства мира, в котором существование и творческая деятельность личности неминуемо сопряжены с трагедией. Пришвин ощущает себя выразителем этого, в его понимании, главного содержания эпохи: «Хочется и надо – это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь».

Дневники М. Пришвина открывают новую грань его творческой индивидуальности, представляют его как писателя социального. По дневникам можно проследить его формирование как художника слова. Они содержат огромный пласт исторических и жизненных реалий, являют собой кладовую «заготовок» для множества его произведений.

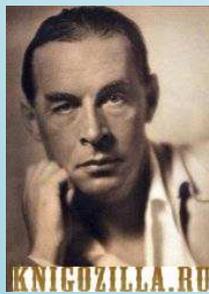
В Дневнике 1914 года ведущей темой становится Первая мировая война. Но предметом внимания писателя являются не военные события сами по себе. Война становится своеобразной призмой, сквозь которую воспринимается теперь образ России. Встает вопрос о

русском национальном характере, об исторической судьбе России. Война в дневнике существует как событие, нарушившее историческое течение времени и обнажившее в жизни ее архаическое реликтовое основание. Это возвращение чреват возможностью социального срыва в обществе, что Пришвин предвидит уже в августе 1914 г. Победа представляется ему в это время единственной возможностью сохранить преемственность истории. Однако, в 1915 г. катастрофический ход событий становится очевидным.

Война в дневнике М. Пришвина предстает символом мужского дела, но, в то же время, в сознании писателя происходит сложное сопряжение мужского и женского: война сравнивается с родами – то и другое связано с сотворением новой, неизвестной жизни.

Дневник 1916 г. зафиксировал уникальную точку зрения писателя – из глубины провинциальной русской народной жизни, в которой он ничего не изучает, а живет как все: писатель-пахарь, собственник земли. И это положение открывает ему новый угол зрения на войну: оппозиция «Россия – Германия» превращается в оппозицию «русские – немцы»: «В этой войне меряются между собой две силы: сила сознательности человека и сила бессознательного. Мы русские – сила бессознательная, и вещи наши на место не расставлены. В конце концов, мы заслужим порядок, закон, мы поставим вещи на место, а немцы потеряют это, но зато получают вкус и радость глубины». Крайне интересным оказывается появление пленных австрийцев в качестве работников, которые становятся носителями европейской культуры в русской провинции. В то же время во всей глубине раскрывается перед писателем двойственность русского национального сознания, эта загадка русской души. Пришвин понимает, что война до последних основ потрясла мир: «Как завеса спало с мира все человеческое, и обнажился неумолимый механизм мира».

Эрих Мария Ремарк принадлежит к поколению писателей, чьи взгляды сформировались под влиянием Первой мировой войны, которая на долгие годы определила круг тем, характеры его героев, их мировоззрение и жизненный путь. Прямо со школьной скамьи Ремарк шагнул в окопы. Вернувшись с фронта, долго не мог найти себя: был журналистом, мелким торговцем, школьным учителем, работал в авторемонтной мастерской.

Из глубокой внутренней потребности рассказать о том, что перевернуло представления о добре и зле, родился его первый роман «На Западном фронте без перемен» (1929). В эпиграфе к роману он пишет: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью, это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов». Но роман вышел за эти рамки, став и исповедью, и обвинением. Это – история убийства на войне семи одноклассников, отравленных шовинистической пропагандой в школах кайзеровской Германии и прошедших подлинную школу на холмах Шампани, у фортов Вердена, в сырых окопах на Сомме. Здесь оказались

уничтоженными понятиями о добре и зле, обесцененными нравственными принципами. За один день мальчишки превратились в солдат, чтобы вскоре быть бессмысленно убитыми. Они постепенно осознали свое ужасающее одиночество, свою старость и обреченность: «Из клетки войны выход один – быть убитым».

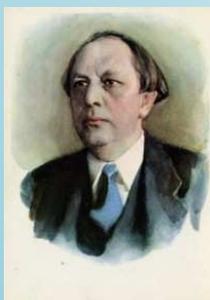
Молодым героям романа всего по девятнадцать лет. Все, что казалось святым и незыблемым, перед лицом ураганного огня и братских могил – ничтожно и никчемно. У них нет никакого жизненного опыта. То, что они учили в школе, не может помочь облегчить последние муки умирающего, научить ползти под огнем, тащить раненого, сидеть в воронке. Для этой молодежи война ужасна вдвойне, так как они не понимают, во имя чего посланы на фронт, во имя чего должны убивать французов и русских.

В романе Ремарка – жестокая правда и тихий пафос неприятия войны, что определило жанровые особенности книги как психологической повести-плача. Автор не ставит своей целью докапываться до истинных виновников войны. Ремарк убежден, что политика – это всегда плохо, это всегда вред и зло для человека. Единственное, что он может противопоставить войне, – это мир природы, жизнь в ее нетронутых формах: чистое небо над головой, шелест листьев. Силы герою идти вперед дает прикосновение к земле.

Роман стал обвинительным документом, потому что Ремарк ярко раскрыл трагедию целого поколения, показывая жестокий лик войны. Пауль Боймер говорит от имени целого поколения – живых, но духовно убитых войной. Их позднее назовут «потерянное поколение». «Война сделала нас никчемными людьми, мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них», – говорит Боймер.

Начавшаяся Первая мировая война вносит новую струю в творчество **Алексея Толстого**. В 1914-1916 гг. как военный корреспондент газеты «Русские ведомости» он совершил ряд поездок на фронт, был в Англии и Франции, опубликовал серию очерков и рассказов о войне. Его статьи регулярно появлялись на страницах газеты. Они выгодно отличались не только литературными достоинствами, но и трезвым, мужественным отношением к войне. Статьи создавались как путевые заметки под общим названием «Письма с пути». В названиях передан ход военных действий, т. е. обозначены географические места боев: «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе». Позже были присоединены очерки «В окопах», «Пленные», «Париж». Лишь в первых статьях заметны волнение предчувствий и пафос патриотизма, охватившие писателя. Затем он становится деловит, суховат, более убедителен. Писатель нарочно стремится снизить облик и поступки человека на войне, но и не забывает напомнить читателю, что «не до разговоров...».

В очерках и рассказах А. Толстого не теряется из виду человеческая сущность солдат, прапорщиков, офицеров. Писатель не дает забыть читателю, что нынешний солдат – это вчерашний крестьянин, русский человек, с его хозяйственной приглядкой, сметкой, хитрецей, по нужде взявший на себя кровавое дело войны.

Таков Аникин из рассказа «Обыкновенный человек», безымянные солдаты очерков «По Галиции». Герой очерка «В окопах» – молодой офицер, едущий прямо с позиций к родным в Киев, показан как неделимо цельный человек, честно относящийся к своим фронтовым обязанностям. В очерке «Отечество» писатель размышляет о Родине, о национальном характере, привычках и обычаях русского народа. Страна и народ показываются в очерке в разных ракурсах. В собранных врагами о ней сведениях Родина предстает «грязной», «лезущей по швам», «доживающей последние дни». Народ в глазах противника выглядит одуревшим «от водки и накануне мятежа», «при этом самый характер русского человека указывает на его неспособность ни к сопротивлению, ни к преследованию трудных задач». Писатель формально соглашается с выводом неприятеля: «страна разваливается и мы накануне крупной катастрофы», но видит русский народ по-другому: «Народ, еще не живший, но мудрый, темный, но глубокий, грузный и грубый, но с нежным, бесконечно ясным сердцем.» В изображении народа, узнавшего о начале войны, преобладает его готовность к защите родной земли. Писатель видит проявление духовной основы внутреннего человека в поведении русских людей, отправляющихся на войну, как на должное занятие в их жизни: «Я видел художников, присяжных поверенных, чиновников и просто молодых людей – все они опоясывались саблей весело, радостно и спокойно». Никто не бахвалился и никто не трусил; все шли туда, как на большое и героическое».

Очерк «На Кавказе» завершает «Письма с пути». В нем наиболее очевидна традиция очерка «Кавказец» М. Ю. Лермонтова и «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого. Автор открывает читателю сферу длительного существования на войне. Кавказская война воспринимается частью давней традиции: «...и война ведется, не спеша, спокойно, как во времена Лермонтова и Льва Толстого». Писатель сравнивает и сопоставляет войны: «Здесь храбрость и ловкость одного человека – солдата или офицера – имеют существенное значение. На том фронте за боевую единицу считают группу людей – взвод, роту, эскадрон; здесь один человек может решить участь битвы». В центре повествования – проблема духовного героизма, решимости, смекалки и мужества.

Алексей Толстой в своих произведениях стремился сформировать у читателя чувство Родины, открыть высокий смысл человеческого существования.

Сотрудничество в качестве военного корреспондента крупной газеты, которое стало для него важнейшим этапом в становлении гражданского самосознания, в постижении русского характера, А. Толстой изобразил в романе «Сестры». Само описание «чрезвычайного редакционного заседания» большой литературной газеты «Слово народа» исполнено неприкрытого сарказма. Превосходно изобра-

жена и реакция «матерых, бородатых либералов» на неожиданный взрыв патриотизма и вставший вдруг вопрос о сотрудничестве с царской властью, против которой они столько лет «боролись». А действующим лицом в газетном мире является некто журналист Антошка Арнольд. Он принадлежит к обитателям телегинской квартиры - балбесам, неучам, непризнанным гениям. Изображается он несимпатично и насмешливо. Но вот объявлена война, и становится Арнольд военным корреспондентом. Состоялся разговор, удививший журналиста тем, что полковник предупредил о тяжести предстоящих испытаний, о необходимости трезвого, не замутненного хмелем патриотических воспарений взгляда на войну. Антошка пишет статью, где читаем: «При громовых словах: «Отечество в опасности» - народ поднялся, как один человек. Гнев его будет ужасен. Отечество - могучее, но забытое нами слово. С первым выстрелом германской пушки оно оживо во всей своей девственной красоте и огненными буквами засияло в сердце каждого из нас...» Антошка писал: «... Мы вступаем в героическую эпоху. Довольно мы гнили заживо. Война - наше очищение».

Алексей Толстой в статье, опубликованной в «Правде» 27 июня 1941 года, оглянется в прошлое: «Я помню четырнадцатый год, когда миллионы людей получили оружие в свои руки. Сибирские корпуса прямо из вагонов кидались в штыковой бой, и не было в ту войну ничего страшнее русских штыковых атак». Невозможно отрицать истинный патриотизм множества мужиков, одетых в солдатские шинели, патриотизм множества вчерашних учителей, студентов, служащих, надевших погоны, патриотизм лучшей части кадрового офицерства. Погибая, они защищали Россию.

Уже в самом начале Первой мировой войны Л. Андреев высказал мысль о том, что война имеет две летописи: первая - это свод фактов, имен, вторая - «показания» очевидцев, письма, стихи, настроения общества. Эта вторая и есть «настоящая, доподлинная история человечества». Что представляют собой художественные «показания» современников войны - поэзия и проза, прямо или косвенно связанные с темой войны, составляющие сердцевину собственно военной литературы? Писатели-фронтовики продолжали развивать темы, известные предшествующей литературе. Зазвучали новые вопросы и проблемы: изменение отношения к русской армии, офицерству; глубинное, народное осознание войны как всеобщей беды; осмысление войны как страдания, за которым последует очищение, покаяние; ощущение войны как раскрепощенной жестокости, проявившей себя в последующих революционных событиях.

Подлинно художественных произведений, вышедших в годы войны отдельными изданиями, действительно не так уж много. Именно поэтому необходимо особое внимание к художникам, которые откликнулись на это событие и внесли свой вклад в познание войны, человека с ружьем, нации во время войны.

Обзор подготовила Т.Б. Зюбина

ЛИТЕРАТУРА.

Баранов, В. Трилогия А. Н. Толстого "Хождение по мукам" [Текст] / В. Баранов. - Москва : Высшая школа, 1984. - 79 с.

Боровиков, С. Алексей Толстой [Текст] : страницы жизни и творчества / С. Боровиков. - Москва : Современник, 1984. - 192 с.

Боровиков, С. Алексей Толстой [Текст] : очерки / С. Боровиков. - Москва : Сов. Россия, 1982. - 158 с.

Борозняк, А. "Мертвые будут обвинять вас..." Роман Э. Ремарка "Время жить и время умирать" в контексте дискуссий о преступлениях нацизма [Текст] / А. Борозняк // Новая и новейшая история. - 2008. - № 1. - С. 185-200.

Борусяк, Л. Феномен Ремарка [Текст] : новый тренд старого писателя / Л. Борусяк // Литература. - 2013. - № 4. - С. 58-61 (Изд-во "Первое сентября")

Брюсов, В. Среди стихов, 1894-1924. Манифесты. Статьи. Рецензии [Текст] / В. Брюсов. - Москва : Советский писатель, 1909. - 714 с.

Бурлаков, Н. Валерий Брюсов [Текст] : очерк творчества / Н. Бурлаков. - Москва : Просвещение, 1975. - 240 с.

Гуренков, М. Без России жить нельзя [Текст] : путь А. Н. Толстого к революции / М. Гуренков. - Ленинград : Лениздат, 1981. - 254 с.

Гумилев, Н. Записки кавалериста [Текст] / Н. Гумилев. - Омск : Омское книжное изд-во, 1991. - 230 с.

Гумилев, Н. Золотое сердце России [Текст] / Н. Гумилев. - Кишинев : Лит. артистикэ, 1960. - 734 с.

Гумилев, Н. Огненный столп [Текст] : стихи и проза / Н. Гумилев. - Ижевск : Удмуртия, 1991. - 432 с.

Давыдова, Т. О дневниках М. Пришвина [Текст] / Т. Давыдова // Лит. в школе. - 1995. - № 5. - С. 34-37.

Ершов, Г. Михаил Пришвин. Жизнь и творчество [Текст] / Г. Ершов. - Москва : Худож. лит., 1973. - 186 с.

Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) [Текст]. - Ленинград : Изд-во Международного фонда истории науки, 1991. - 333 с.

Крюкова, А. А. Н. Толстой и русская литература [Текст] : творческая индивидуальность в литературном процессе / А. Крюкова. - Москва : Наука, 1990. - 257 с.

Курбатов, В. Михаил Пришвин [Текст] : очерк творчества / В. Курбатов. - Москва : Сов. писатель, 1986. - 222 с.

Максимов, Д. Брюсов. Поэзия и позиция [Текст] / Д. Максимов. - Ленинград : Сов. писатель, 1969. - 240 с.

Петелин, В. Судьба художника [Текст] : жизнь, личность, творчество / В. Петелин. - Москва : Худож. лит., 1982. - 551 с.

Письма М. Пришвина к А. М. Ремизову [Текст] // Рус. лит. - 1995. - № 3. - С. 157-209.

Пришвин, М. Дневники. 1914-1917 [Текст] / М. Пришвин. - Санкт-Петербург : ООО Изд-во "Росток", 2007. - 608 с.

Скобелев, В. В поисках гармонии [Текст] : художественное развитие А. Н. Толстого, 1907-1922 гг. / В. Скобелев. - Куйбышев : Книжное изд-во, 1981. - 176 с.

Сорина, Л. Воин Первой мировой - Николай Гумилев [Текст] / Л. Сорина // Лит. в школе. - 2012. - № 1. - С. 2-4.